

Национальный архив Франции – возможности и проблемы заимствования его модели другими странами в XX в.

Виктория Б. Прозорова

*Бюро журнала «Вестник архивиста» в Европе,
Париж, Франция, prozorovaviktoriya@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрены проанализированные в историографии явные и неочевидные факторы, способствовавшие в XX в. успеху или неудаче внедрения модели Национального архива в странах, бывших колониями или провинциями европейских империй (Марокко, Сенегал, Вьетнам, Ливан, Польша, Эстония, Финляндия, Болгария), с разной степенью развития архивной теории и методики. Используя материалы некоторых книг и статей по истории национальных архивов, изучив законы и декреты этих стран об архивах, а также и отчеты о работе архивных учреждений, автор нашел несколько критериев, необходимых для обеспечения успеха при создании эффективных национальных архивов. Эффективность Национального архива, по мнению автора, заключается в наличии у него сети подчиненных местных учреждений, органов разработки и внедрения методики и национальной архивной политики, а также в регулярном и репрезентативном комплектовании и широком использовании важнейших документов по истории страны. Наиболее важными критериями являются предварительное существование в стране центральных или министерских архивов, передача методики, основных элементов теории и организационных приемов от метрополии к местным властям и создание в момент обретения независимости (либо предварительное наличие в колониальный период) корпуса местных квалифицированных кадров архивистов.

Автор попытался изучить, насколько международное архивное сотрудничество и обмен информацией и методическими и нормативными документами являются полезными и эффективными при создании национальных архивов и какие их формы организации Национального архива являются оптимальными для использования.

Ключевые слова: Национальный архив, Эстония, Финляндия, Франция, Бельгия, Болгария, Ливан, Марокко, Сенегал, Вьетнам, Польша, Россия, архивное законодательство, международное сотрудничество

Для цитирования: Прозорова В.Б. Национальный архив Франции – возможности и проблемы заимствования его модели другими странами в XX в. Окончание // История и архивы. 2020. № 2. С. 123–138. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-123-138

French National Archives. The probability of setting up its model in other countries in the 20th century

Victoria B. Prozorova

*Magazine “Herald of an Archivist » in Europe, Paris,
France, prozorovaviktoriya@gmail.com*

Abstract. This article deals with both the implicit and the explicit factors in the historiography that led in the 20th century to the failure or success of the National Archives model in the countries of the former colonies or provinces of the European empires (Morocco, Senegal, Vietnam, Lebanon, Poland, Estonia, Finland, Bulgaria) whose archival theory and methodology were at different levels of development.

On the material of some books and articles on the history of the national archives, scrutinising national laws and decrees and taking into account institutional reports, the author found several criteria that should necessarily be met to ensure the success when creating efficient national archives. The author argues that the effectiveness of the National Archives is set in the existence of the network of local institutions subordinate to it, of the organs that prepare and implement the methods and the national policy of archives as well as the regular and representative acquisition of the most important documents on national history and in their wider communication.

The most important criteria are the previous existence in the country of central or ministerial archives, the transfer of methodology and essential elements of theory as well as organizational skills from the metropolitan country to the local authorities and the creation during the years of independence or the previous existence during the colonial period of local skilled bodies of archivists.

The author attempts to find out if the international archival cooperation or the information, regulation, methodical and normative document exchanges prove to be useful and effective in order to create national archives and what the best frame to organize the latter is.

Keywords: National Archives, Estonia, Finland, France, Belgium, Bulgaria, Lebanon, Morocco, Senegal, Vietnam, Poland, Russia, archival laws, international cooperation

For citation: Prozorova, V.B. (2020), “French National Archives. The probability of setting up its model in other countries in the 20th century. The ending”, *History and Archives*, no. 2, pp. 123–138. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-2-123-138

Страны Европы

Охвативший в XIX в. Европу процесс становления национальных государств привел в начале XX в. к разрушению освященных традицией империй, хотя и пытавшихся возродиться в более современных «идеологических» формах. Без учета фактора имперского наследия, в которое можно включить и архивные документы, и высшее образование архивистов, и историографические курсы, и способы их построения, сложно оценить оригинальность созданных после Первой мировой войны архивных систем и национальных историографических дискурсов. Ограничимся странами, находившимися в составе или под сильным влиянием Российской империи, всегда действовавшей на национальных территориях своей европейской части методами, сходными с «прямым управлением». Их примеры особенно интересны и тем, что каждую из этих стран связывали особые отношения и с Францией.

Финляндия

Национальный архив Финляндии не создавался «с нуля» после обретения страной независимости, а имел возможность «созреть», вырасти организационно и методически из архива Сената, созданного в 1816 г. Автономия Финляндии в рамках Российской империи не только позволила этому архиву получить по Фридрихсгамскому миру документы из Стокгольма в порядке реституции, но и приобрести опыт работы в качестве архива центрального учреждения страны, и в качестве хранилища исторических документов по истории страны принимавшего исследователей уже с 1859 г. Финляндия провела первую половину XX в. в поисках национального примирения и наилучшей формы государственного устройства. Примечательно, что, хотя будущая Национальная (Университетская до 2006 г.) библиотека Хельсинки тоже создавалась еще русскими властями и получала обязательные экземпляры всех книг, публиковавшихся в империи, между ней и Национальным архивом не возникало серьезных разногласий. К моменту принятия закона об архивах 1981 г. в стране работали Национальный архив, региональные архивы и архивы национально-культурных автономий. Закон об архивах 1994 г. объединил Национальный архив, семь региональных архивов и архив Саамского региона в Национальную архивную службу. Возможно, именно ее создание позволило архивам Финляндии модернизировать документооборот, создать хранилища электронных документов и наладить эффективную реституцию и обмен микрофильмами фондов «общего достояния» с соседними

странами. Но для снижения управленческих расходов структура архивной отрасли регулярно упрощалась. В 2008 г. Военный архив и Архив государственного совета стали подразделениями Национального архива, а с 1 января 2017 г. руководящие полномочия «Архивной службы» были законом 1145/2016 переданы Национальному архиву, в который на правах подразделений вошли семь региональных архивов и архив региона Саами. Укрупнение в 2017 г. создало структуру, сходную с Главным архивом Бельгии: центральные и региональные архивы в статусе подразделений и отделы со сквозной функциональной компетенцией – научно-справочный, классификации и хранения документов и научных исследований. Неслучайно финские архивисты, активно участвовавшие в работе DLM – Форума и МСА, не создавали подразделений по изучению «новых», «технотронных» архивов, а поручили разработку этих проблем научному отделу, успешно решающему проблемы новых носителей, опираясь на традиционную архивную доктрину. Мы не знаем, насколько финские архивисты ориентировались именно на знакомую им бельгийскую модель, но подчеркиваем сходство архивных систем двух стран и успешную работу этой модели Национального архива в современных условиях снижения финансирования¹.

Польша

Нельзя забывать, что архивы, создававшиеся в Польше разделившими ее державами, все-таки организовывали и хранили документы по польской истории, в них постепенно стали работать и польские специалисты. Например, Главный архив, созданный еще в 1808 г., играл роль центрального архива русской части страны в период автономии и, по мнению авторов юбилейного издания «Польские архивы», заложил основы работы ведомственных архивов Польши [Chmielewski 1998, p. 56]. В 1815–1916 гг. издавались работы польских архивистов по теории архивоведения и дипломатике, по истории фондов польских архивов, что подготавливало базу для создания польской архивной науки и отрасли [Матяш 2012,

¹ The Strategy of the National Archives 2020 Arkistolaitos (The National Archives Service of Finland). 17 p., available at https://issuu.com/kansallisarkisto/docs/kansallisarkiston_strategia_en (Accessed 28 Feb. 2020); См. также на русском: Стратегия Национального архива Финляндии до 2020 года / Пер. Е. Бартеновой // Документоведение и архивное дело за рубежом: информационный сборник статей / ОЦНТИ ВНИИДАД. 2018. № 1 (44). С. 15–24.

с. 225–226]. Подчеркнем, что на момент обретения независимости у Польши были высокопрофессиональные архивисты, выпускники историко-филологических факультетов Петербургского (С. Пташицкий), Ягеллонского (Краков; К.Б. Конарский) университетов. Оставалось их объединить в профессиональное сообщество.

Создание архивной отрасли в независимой Польше дает примеры ряда исключений из общих правил и богатую пищу для размышлений для архивистов, прежде всего о том, насколько острая потребность в национальной идентичности и национальном примирении способствует развитию архивного дела и архивной науки в стране. Напомним, что Декрет об архивах 8 февраля 1919 г. широко обсуждался в польской прессе, несмотря на войну, и был принят до введения в действие Конституции страны, что показывает актуальность архивной проблемы для польского общества.

Вновь созданную отрасль возглавил Департамент архивов при министерстве Народного просвещения и религии. В помощь Департаменту создали консультативный Совет из представителей государства, церкви, видных историков, руководителей архивов Польши и исследователей в области архивного дела. Интересно, что подчиненность архивного ведомства министерству Просвещения, которую французские историки считают не самой удачной (хотя в период активного построения идеологического и исторического дискурса в III Республике архивы и музеи Франции подчинялись именно министерству Просвещения), говорит вовсе не о слабости архивной отрасли Польши, но скорее о ее активном участии в создании дискурса о национальной истории. Но особенное внимание польской историографии заслужил сам Департамент архивов, насчитывавший всего 11 человек, сумевших в межвоенный период организовать координацию архивных исследований и работ. В сферу компетенции Департамента не попали из-за унаследованных от Российской империи традиций ведомственности архивы МИД и большинство военных архивов. Не зависел от него и созданный в 1932 г. Архив древних актов в Кракове, в непростое межвоенное время, когда, по признанию К. Козловского, все в новой архивной отрасли казалось временным. Несмотря на это, Департамент сумел решить несколько актуальных задач.

Прежде всего, Департамент архивов стал координировать работу местных архивов, унаследованных от стран с высокой, но разной (австрийской, германской и российской) архивной культурой. В начале 1920-х гг. в стране насчитывалось более 20 государственных архивов, а к концу 30-х из-за присоединения к архивной отрасли исторических архивов ведомств их было уже около 120. Вновь созданная архивная власть, разумеется, испытывала в ситуации документного бума и зарождения новой национальной

бюрократии проблемы с контролем над источниками комплектования, но для этой работы требовалась материальная и методическая база [Chmielewski 1998, P. 59].

На разоренной войной территории не хватало помещений для хранилищ, поэтому приходилось переоборудовать под них старые здания. Из-за перемещения фондов в войну многие справочники устарели и требовали переработки. При этом научный потенциал вновь созданных – центральных и региональных – архивов был столь высок, что практически сразу началось издание архивных справочников: с 1923 г до 1939 г. вышло 17 томов обзоров фондов государственных архивов Польши. Параллельно с освоением хранящегося на территории страны архивного наследия шло выявление документов по польской истории в архивах соседних стран и переговоры об их реституции, не всегда успешные, но способствовавшие развитию архивной теории [Матяш 2012, с. 232].

Унификации методики и созданию единого сообщества архивистов, необходимых для решения всех этих задач, серьезно способствовали регулярные совещания и встречи архивистов, а также съезды историков, первый из которых состоялся в 1925 г. [Матяш 2012, с. 228].

Но кроме них, особая ситуация польского архивоведения, рождавшегося в спорах трех доктрин, потребовала создания научной периодики, посвященной теоретическим проблемам архивоведения. Журнал «Архейон» начал выходить в 1927 г., на шесть лет раньше, чем знаменитая «Архивная газета» Франции, и имел очень высокий научный уровень. Для нас особенно важно, что в публикациях Т. Майнтойфеля подробно изучались вопросы организации и французских, и других европейских (по результатам поездки), и советских архивов [Матяш 2012, с. 233].

Для решения вышеназванных задач, стоявших перед отраслью, Департамент архивов прежде всего подбирал квалифицированный персонал, в основном из специалистов по архивам XIX–XX вв. При этом вклад разных учреждений сети в развитие методики был неравномерен, архивы Южной Польши активно работали с центральными архивами и Департаментом. Сильными в методическом отношении были архивы Люблина, Вильно, Львова, Кракова, но главными «локомотивами» развития отрасли стали два центральных архива в Варшаве – Государственный архив древних актов и Государственный архив новых актов.

Один из старейших в стране Государственный архив древних актов в Варшаве работал еще с 1867 г. Его директор Казимир Конарский быстро организовал начиная с 1919 г. прием на хранение фондов учреждений Царства польского до Первой мировой войны, эвакуированных в 1914–1916 гг. Он создал при архиве курсы повы-

шения квалификации и издал в 1929 г. первый польский учебник архивоведения «Современная польская архивистика и ее задачи» [Матяш 2012, с. 233].

Но Архив древних актов не смог остаться единой основой Национального архива и в 1930 г., после дебатов о возможном создании «Архива войны» для хранения массы документов 1914–1918 гг. и учреждений новой польской государственности был создан еще один центральный архив – Новых актов. Авторы издания «Польские архивы» считают его создание поворотным моментом в истории архивного дела в Польше, так как это было методически сильное учреждение [Chmielewski 1998, Р. 60]. Наличие двух «секций» национального архива, достаточно независимых юридически и методически, возможно, стало стимулом развития польского архивного дела. Специалисты этих двух архивов очень активно участвовали в строительстве отрасли, работе с сетью местных архивов и развитии архивного образования. Подготовка архивистов шла при Государственном архиве древних актов и при архивной секции Ассоциации любителей истории Варшавы, издавшей с 1925 г. девять томов лекций. Хотя в межвоенный период архивное учебное заведение не было создано (обсуждались проекты и изучался зарубежный опыт), но сложившееся триединство разного по полученному образованию и опыту работы, объединенного общим энтузиазмом и патриотизмом корпуса архивистов, и стало, по-видимому, залогом прорыва в польском межвоенном архивоведении.

Быстрое восстановление и успешное развитие архивной отрасли Польши после 1945 г., несмотря на потери в архивном фонде страны: создание специализированных центральных архивов для «новых» носителей (например, Архива механической документации для кинофотофонодокументов в 1955 г. и Национального аудиовизуального института в 2009 г.), успехи в комплектовании, развитие сети архивов воеводств и поватов, создание после 1949 г. университетского архивного образования, а также принятие в 1983 г. закона «О Национальном архивном фонде и архивах», создание «Института национальной памяти» в 1998 г. для спасения от уничтожения и изучения архивов репрессивных органов – стали возможны благодаря высокому профессионализму архивистов, унаследовавших школу их коллег межвоенного периода и созданную ими методику.

Эстония

Хотя Национальный архив Эстонии был создан только после Освободительной войны, в марте 1920 г., т. е. на два года позже, чем Национальная библиотека новой страны, он, опираясь на

опыт и архивных дебатов, и архивного «нестроения» в Российской империи, быстро сумел организовать слаженную работу отделений в Тарту и Таллине, подготовить первый закон об архивах 1935 г., начать систематическое выявление и сохранение кинематографического наследия страны. Послевоенный советский период стал временем создания сети, связавший центральные архивы, 10 региональных архивов и архивы крупных городов, к которым в 1971 г. прибавился архив кинофотодокументов. Большое значение имели также унификация методики и создание системы научно-справочного аппарата с публикацией ключевых его элементов. Полагаем, что опыт работы в качестве центральных архивов советской республики позволил будущим подразделениям Национального архива Эстонии вырасти и укрепиться методически и организационно. Плодотворная работа архивистов Эстонии во второй половине XX в., их включенность в советскую и международную систему обмена опытом, а также советское архивное образование позволили архивной системе страны приобрести солидный запас прочности.

С обретением независимости в 1991 г. Государственный и другие центральные архивы Эстонии были объединены в Национальный архив, подчиненный канцелярии, который и принял на себя от упраздненного Управления руководство региональными архивами, оформленное окончательно в 1999 г. Первый закон об архивах 1998 г. был заменен в 2011 г. новым, весьма либеральным с точки зрения минимального государственного вмешательства в судьбу архивов законом, утверждавшим, однако, Национальный архив в качестве головного учреждения отрасли. Эта модель Национального архива, за исключением наличия автономии архивов ключевых министерств, похожа больше не на Национальный архив Франции, а на бельгийский Главный архив Королевства: прямое руководство сетью региональных и центральных архивов и наличие в структуре как «региональных», так и сквозных отделов, специализированных на актуальной для отрасли тематике (например, Бюро цифровых архивов).

Роль Национального архива Эстонии как одного из ведущих инструментов построения и поддержания национальной идентичности особенно ярко подтверждают нормативные и методические документы о его комплектовании, предписывающие стремиться документировать не только работу эстонского государства, но и все аспекты жизни общества². Этот отход от обозначенной в законе

² *Зверева Н.Е., Бартенева Е.Н.* Политика комплектования Национального архива Эстонии: реферат // Документоведение и архивное дело за рубежом: информационный сборник статей / ОЦНТИ ВНИИДАД. 2018. № 1 (44). С. 25–40.

либеральной доктрины, на наш взгляд, в значительной степени объясняется тесным сотрудничеством Национального архива Эстонии с архивистами Франции – специалистами Национального архива и членами Ассоциации архивистов Франции, посещавшими Эстонию в качестве консультантов.

Знаменательно, что эстонские законодатели сделали попытку избежать конкуренции между разными учреждениями, собирающими и хранящими национальное достояние, чего не смогли добиться, например, архивисты Франции, Швейцарии и Болгарии. Национальный архив Эстонии обязан организовать «эффективный коллегиальный обмен информацией», т. е. запрашивать мнение комплектовщиков национальным достоянием учреждений – Национальной библиотеки и других архивов, – и сообщать им свое решение по комплектованию тем или иным видам источников. Такие правила комплектования – это не акт политического прекраснодушия, а создание эффективного инструмента борьбы с дроблением вновь поступающих на хранение архивных фондов³. Произшедшая оптимизация структуры архивной отрасли Эстонии и поворот ее архивной стратегии от модного в 1990-е гг. либерализма к более привычному для Европы охранительному направлению были невозможны, если бы Национальный архив не прижился и не стал бы работать в полную силу именно как головное учреждение отрасли.

Болгария

Архивная отрасль Болгарии была сформирована через 73 года после обретения страной независимости, лишь в 1951 г. Возможно, архивной централизации в Болгарии помешала воспринятая от Российской империи традиция создания сильных ведомственных архивов и общая для Европы проблема конкуренции архивов и библиотек за хранение «престижных» исторических документов и личных фондов.

Профессиональное сообщество историков и филологов Болгарии довольно быстро заинтересовалось вопросами сохранения письменного наследия и, в его эмигрантской части, зарубежным опытом в этой сфере. Помогло становлению болгарской архивной школы и наличие в двух поколениях ученых с зарубежным архивным и историческим образованием. Еще в 1941–1942 г. архивист, историк и библиограф Иван Богданов (1910–1992), для которого коммунисты были политическими оппонентами [Петрова, Петко-

³ Там же. С. 28, 39.

ва 2014, с. 2], писал: «В большинстве европейских стран архивное дело развивалось под влиянием вековых традиций и на основе применяемого в течение долгого времени порядка в архивных коллекциях. По этой причине даже наиболее просвещенные архивисты не могли построить архивное дело в своих странах на новых основах и вынуждены были приводить свои концепции и новые исследования о научной работе в соответствие с вековой традицией. Целесообразность оказалась во многих случаях бессильной перед традицией и ее жестоким порядком. И так архивистика на Западе приобрела описательный, а не нормативный характер. Можно ожидать из-за всего этого, что принципы современной архивистики будут разработаны в странах, свободных от гнета традиции, конечно, не упуская из виду предшествующего развития архивоведения, но имея в виду прежде всего современные методы научной работы. Наиболее свободны в своих взглядах – советские и американские архивисты. Не особенно затронуты традицией также немцы» [Петрова, Петкова 2014, с. 72]. Очевидно, что, не называя Францию, И. Богданов пишет и о проблемах в схеме классификации ее Национального архива, а также признает наличие двух очень разных моделей архивной отрасли, каждая из которых по-своему преодолела недостатки исходной французской модели: советской и американской.

Полагаем, что к моменту смены режима в болгарской методике созрела готовность переломить традицию ведомственности, но нужен был человек, обладавший одновременно и необходимыми знаниями, качествами организатора, сильным характером и острым умом. Эти качества счастливо сошлись в первом руководителе архивной отрасли Болгарии – М. Алексиеве, сумевшем «за очень короткое время заложить основы архивов страны и добиться их успешного развития» [Петрова, Петкова 2014, с. 17]. Поэтому в Болгарии прежде всего была сформирована сильная нормативная база: указом от 10 октября 1951 г. создавался Национальный архивный фонд (НАФ), а затем, как инструменты его формирования и сохранения – в 1952 г. центральные архивы и в 1959–1960 гг. – 12 первых окружных (региональных) архивов. Характерно, что создание Исторического государственного архива (ЦДИА) сопровождалось серьезной дискуссией о том, должны ли в новый архив передаваться архивные документы из Национальной библиотеки, причем библиотека не только сохранила свои позиции, но даже пыталась возглавить методически и организационно архивную отрасль на правах более старого и компетентного учреждения, работающего с национальным достоянием. К счастью, М. Алексиев сумел отстоять независимость архивов от библиотек и добился в 1971 г. передачи архивов из Комитета по культуре в Министерство информации.

Надеюсь, болгарские коллеги согласятся с допущением, что два центральных архива, созданных в 1952 г.: Исторический (ИДИА) и Государственный (ИДА на НРБ), а также созданный в 1974 г. Центральный государственный технический архив (ИДТА) сравнимы в эту эпоху достаточно сильной, по советскому образцу, централизацией с секциями Национального архива. Их объединение в рамках одного юридического лица – Центрального государственного архива – произошло с целью снижения расходов на их содержание уже в эпоху демократизации, в 1992 г., а в 1993 г. в управление нового центрального архива были переданы фонды бывшего Центрального партийного архива.

Очень интересно для нас признание Е. Петровой и С. Петковой, что у них «вызывает недоумение вопрос, который можно еще услышать от коллег», о том, «по французской или по советской модели создавались государственные архивы» в Болгарии. Они считают, что модель централизации была французской, но в советском варианте, с «полной», «тотальной» централизацией, «основанной на государственной собственности (в том числе и на документальное наследие)» и на «плановом управлении экономической и культурой». Мы согласны с тем, что Болгария заимствовала советскую версию архивной системы, а именно организации («секции» национального архива, являющиеся отдельными юридическими лицами) и руководства (создание Управления архивами, имеющего «национальные» полномочия одновременно с самими архивами – «секциями») отраслю, но для нас важна и констатация болгарскими архивистами несомненного родства советской архивной системы с французской. Родства, заметного и в зрелом возрасте этих систем в 1950-е гг., а не только при их зарождении. В том, что в Болгарии комплектование частными фондами почти всегда было делом добровольным, можно усмотреть и влияние более либеральной, уважительно относящейся к частной собственности французской модели. Посмотрим, почему же в Болгарии заимствование советской версии французской модели национального архива в целом удалось.

Во-первых, М. Алексиев стремился построить единую отрасль, преодолеть раскол между архивистами уже существовавших и вновь создаваемых учреждений, привлекая самых компетентных из тех и других структур к созданию методических документов [Петрова, Петкова 2014, с. 21]. Обширный и подробный методический комплекс, а также нормы – указы и закон о Национальном архивном фонде – играют роль краеугольного камня в болгарской архивной системе.

Несомненным успехом болгарской архивной отрасли стала детальная разработка и кодификация нормативной базы, гораздо

более ранняя (если считать от даты формирования отрасли) и гармоничная, чем, как нам представляется, во Франции. Два издания «Методического кодекса» – в 1982 г. и в 2013 г. – заслуженно пользуются вниманием архивистов не только Центральной и Южной Европы, но и всех стран, модернизирующих нормативную базу.

Вторым важным слагаемым успеха догоняющей архивной модернизации была по-византийски мудрая открытость архивов Болгарии международному опыту – и «советскому» и «капиталистическому» в равной мере: М. Алексиев быстро наладил контакты с Международным техническим архивным стажем в Париже, и к моменту вступления Болгарии в Евросоюз уже 26 болгарских архивистов окончили его. Эти особенности неразрывно связаны с пониманием задач архивов М. Алексиевым, о котором С. Петкова и Е. Петрова пишут, что «он первый среди руководителей архивной отрасли не только по порядку, но и по заслугам» [Петрова, Петкова 2014, с. 7].

Хотя с формальной точки зрения Национальный архив в Болгарии был создан поздно, в 1952 г. или в 1992 г., в зависимости от критериев, ранее создание органов управления, успешность централизации (проводившейся во всех сферах жизни, а не только изолированно в архивной отрасли), методическая унификация и кодификация норм позволили руководству архивной отрасли Болгарии и трем центральным архивам страны успешно решать задачи, стоявшие перед ними в XX в.

Выводы об опыте создания национальных архивов в некоторых странах Европы

В странах, возникших после распада империй с сильной традицией ведомственности, Национальный архив может быстро разделиться на секции, имеющие статус юридических лиц и самостоятельный бюджет, но тесно связанные методикой и единой системой обучения и назначения персонала. Подчиненность создающегося Национального архива и широта его полномочий, особенно в части комплектования, напрямую зависят от актуальности для общества и власти исторического дискурса и от места в нем архивных документов. В этом смысле можно рассматривать (не)передачу партийных архивов после падения социалистических режимов в управление архивной отрасли и как тест для архивов на способность остаться нейтральным пространством, и как тест для власти на способность построить взвешенный, нейтральный исторический дискурс о недавнем прошлом страны.

Решающее значение для успеха создания национальных архивов в рассмотренных странах Европы имело наличие в этих странах национальных архивных кадров и архивной литературы – либо учебников, либо изданий по истории фондов, либо опубликованных архивных справочников, а также активный обмен информацией между архивистами стран Европы, на необходимости которого настаивал еще Ш.-В. Ланглуа. Личности первых руководителей национальных архивов или Управлений архивов, долго остававшихся на своих постах, оказали решающее влияние на долговременные тенденции и приоритеты в их развитии.

Заключение

Мотивы создания национального архива весьма сходны для многих стран, несмотря на различие континентов и дат: Национальный архив являлся для многих новых государственных образований – мононациональных (имеющих на 90–95 % этнически однородное население) или стремящихся к идеологической монолитности стран, – важным атрибутом независимости, инструментом национального примирения и построения собственной идентичности.

Одним из важнейших «открытий» XX в. мы предлагаем считать сделанный на основе обобщений опыта нескольких стран вывод, что «Национальный архив» исторического типа, тесно связанный с государством благоденствия, несовместим с либеральной экономической и политической моделью с минимальным государственным вмешательством государства во все сферы жизни, в том числе и в организацию коллективной памяти через сохранение ее источников и построение историографического дискурса.

Знакомство с историей развития национальных архивов в разных странах в XX в. приводит к осторожному выводу, что Национальный архив нельзя заимствовать, импортировать, внедрить, создать «с нуля под ключ», – его можно только вырастить. Это верно и в том случае, когда в стране и обществе произошли серьезные, революционные перемены. Необходимо совпадение трех факторов: наличие критической массы документального наследия прошлого (архивов «старого порядка», «императорской России», «периода колониализма», «коммунистического прошлого»); сознательное стремление части профессионально подготовленной элиты к защите этого наследия от вандализма и символического уничтожения, к созданию для этого наследия «нейтрального пространства» (в архиве, музее или ином специальном учреждении); наличие или быстрое возникновение методики, способной сделать

данное наследие инструментом «национального примирения» и строительства (развития) национальной идентичности.

Возможно, действующий национальный архив должен созреть «внутри» данного государства и общества, и он не может быть создан усилиями части элиты с помощью извне. Создание национального архива по зарубежной модели больше похоже на переливание крови, чем на добавление в конструкцию «Лего» еще одного такого же элемента из набора деталей – слишком тонкие механизмы взаимодействия укоренившихся управленческих практик данной территории и идей, разделяемых мировым сообществом специалистов, здесь задействованы.

Опыт свидетельствует, что успешное создание и работа национального архива и архивной отрасли в целом напрямую зависят от качества и длительности существования высшего архивного образования в стране.

Еще одна замеченная нами общая закономерность состоит в том, что если Национальный архив в стране был создан позже, чем Национальная библиотека, или имел равные с ней или меньшие полномочия по сохранению документального наследия страны, то конфликт между двумя учреждениями неизбежен. Но в разных странах эти конфликты завершились по-разному: во Франции Национальная библиотека стала выполнять функции «архива литературы и искусства», в Эстонии был достигнут паритет, в России и в Болгарии фонды рукописных отделов библиотек учтены в реестрах архивной власти, но в отношении методики библиотекари регулярно пытаются вернуть себе самостоятельность и первенство, а в Марокко Национальная библиотека и вовсе отказалась от сбора архивных материалов. Интересно, что в разных странах архивисты с библиотекарями спорили о разном. Так, во Франции спор шел о том, должен ли государственный архив хранить документы только государства (Н. де Вайи) или всего общества (Л. Лаборд). Победа де Вайи болезненно отразилась на судьбе созданных позже национальных архивов и стала одним из источников дискуссии, приведшей к созданию учения о «едином государственном архивном фонде», которое С. Петкова и Ш. Кечкемети считают важным достижением архивной мысли XX в. В Марокко эпохи протектората библиотека, напротив, собирала только самые важные документы «государства» и не справилась с расширением числа исторических источников. В Болгарии Народная библиотека боролась за право продолжать комплектоваться документами и описывать их так, как это было до создания центральных архивов. Но при более внимательном изучении этих дискуссий выясняется, что борьба библиотек данной страны с ее архивами была, в сущности, борьбой за право не применять к архивным документам, хранившимся в библиотеках, фундаментальный

для архивоведения принцип единства фонда. Этот вывод важен по трем причинам: во многих странах «борьба» архивов и библиотек за методическое первенство не завершена, рецепция принципа единства фонда дисциплинами, работающими с комплексами национального достояния (историко-культурного наследия), продолжается, все чаще архивы, музеи и библиотеки участвуют в совместных проектах по защите и популяризации своих фондов и коллекций.

Изучение опыта создания национальных архивов показало, что этапы, необходимые для развития архивной отрасли и теории, могут проходить в длительные или более сжатые сроки, но никакой из них нельзя отменить, обойти или насильственно сократить, и в умении уловить (не)своевременность смены этапа, наверное, и состоит один из основных талантов управленцев. История создания национальных архивов с очевидностью показывает, что роль личности в поворотные моменты истории возрастает, и история архивной отрасли не исключение. Об огромной значимости личного фактора высказались и видные болгарские архивисты Е. Петрова и С. Петкова в статье о жизни и деятельности первого руководителя архивной отрасли Болгарии М. Алексиева: «Люди имеют имена и несут личную ответственность за свои действия, а политическая система – только одно из возможных объяснений этих действий» [Петрова, Петкова 2014, с. 17].

Личность первых организаторов и руководителей архивной отрасли всегда сильно отражается на ее особенностях. Это частный случай известной закономерности, гласящий, что генезис системы определяет ее функционирование. Ошибки и удачи Л.-П. Гашара так же сильно повлияли на архивную отрасль Бельгии, как добросовестные заблуждения П. Дону на архивы Франции. Но и в XX в. личности руководителей-реформаторов и организаторов отрасли – П. Буде в Индокитае, О. Мейсике в Ливане и Д. Байда в Марокко, М. Алексиева, руководившего архивами Болгарии в 1951–1972 гг., С. Мбе, руководившего Управлением архивов Сенегала в 1976–2005 гг., – надолго определяют траекторию развития архивов этих стран. Научная прозорливость и организаторские способности первых руководителей, их умение создать эффективную команду являются формой для заливки горячего металла новой архивной системы, определяют ее конфигурацию и даже жизнеспособность.

Литература

- Петрова, Петкова 2014 – *Петрова Е., Петкова С.* Михаил Стойков Алексиев и приносът му за архивното дело в България: по повод на 110 годишнина от рождението му // Архивен преглед. 2014. № 1. С. 7–44.
- Матяш 2012 – *Матяш І.Б.* Архівознавство: методологічні засади та історія розвитку. Київ: Видавн. дім «Києво-Могилянська академія», 2012. 515 с.
- Chmielewski 1998 – *Chmielewski Z.* Polish Archives in the Second Republic of Poland // *Archiwa polskie / Praca zbiorowa pod red. K. Kozłowskiego.* Warszawa; Szczecin, 1998. 274 p.

References

- Chmielewski, Z. (1998), “Polish Archives in the Second Republic of Poland”, in Kozłowski, K., ed, *Archiwa polskie*, Warszawa, Szczecin, Poland.
- Matyash, I., (2012), *Arkhivoznavstvo: metodologichni zasady ta istoriya rozvitku* [Science of archives. Methodological foundations and history of development], Vidavn. dim “Kievo-Mogilyans’ka akademiya”, Kiiv, Ukraine.
- Petkova, S., Petrova, E. (2014), “Mikhail Stoykov Alexiev and his contribution to the archival work in Bulgaria. On the occasion of the 110th anniversary of his birth”, *Arkhiven pregled*, no. 1, pp. 7–44.

Информация об авторе

Виктория Б. Прозорова, кандидат исторических наук, Бюро журнала «Вестник архивиста» в Европе, Париж, Франция; Франция, 92292, г. Шатене-Малабри, пр. Франсис де Прессансе, д. 10; prozorovaviktoriya@gmail.com

Information about the author

Victoria B. Prozorova, Cand. of Sci (History), Magazine “Herald of archivist” in Europe, Paris, France; bld. 10, Francis de Pressense Av., 92290, Chatenay-Malabry, France; prozorovaviktoriya@gmail.com